

Финляндия в изображении Вадима Гарднера: постакмеистический ракурс

А. А. Хадынская

Сургутский государственный университет,

г. Сургут, Российская Федерация,

opus2000@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается тема Финляндии в лирике Вадима Гарднера, представителя финской ветви русской эмиграции первой волны. Его поэтическая самобытность проистекает из синтеза символизма и акмеизма, что придаёт его лирике одновременно черты религиозности и культурологичности. Финская тема, став одной из главных у Гарднера, раскрывается им в эмигрантском контексте, в сравнении с оставленной родиной, вследствие чего последняя приобретает отчетливые ностальгические черты. Особое сочетание противоборствующих течений в лирике Гарднера даёт основание говорить о новом качестве его акмеистической поэтики в эпоху, следующую за акмеизмом.

Цель: анализ постакмеистической поэтики в лирике Вадима Гарднера в аспекте финской тематики.

Материалы исследования: три поэтических сборника В. Гарднера, в которых доминирует финская тема.

Результаты и научная новизна. Лирика Гарднера демонстрирует синтез символистской и акмеистической традиции, и в этом симбиозе лидирующие позиции занимает акмеистическое видение действительности. Глубинный анализ поэтической ткани стихов Гарднера позволил сделать вывод, что, по-акмеистически принимая мир во всей его полноте и сложности, поэт не отказывается от возможности его духовного познания. В этом, с нашей точки зрения, и заключается специфика существования акмеизма в «неакмеистическую эпоху». Научная новизна настоящего исследования заключается в рассмотрении лирики В. Гарднера с постакмеистических позиций, что ещё не было предметом научных изысканий. Нами впервые выявлены особенности поэтики изучаемого автора в связи с продолжением им акмеистических традиций в эмиграции, в условиях отрыва от родной культурной почвы, на материале финской темы. В изображении Финляндии как особого географического пространства нами были отмечены экфрастичность образов, подчёркнутая визуальность в восприятии картин природы. Сам образ страны эволюционирует у поэта, маркируя сложное отношение к ней в период вынужденного проживания на чужой земле.

Ключевые слова: В. Гарднер, финская ветвь русской эмиграции первой волны, постакмеистическая поэтика, образ Финляндии.

Для цитирования: Хадынская А. А. Финляндия в изображении Вадима Гарднера: постакмеистический ракурс // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 340–348.

Finland in the image of Vadim Gardner: postacmeistic perspective

A. Khadynskaya

Surgut State University,

Surgut, Russian Federation,

opus2000@mail.ru

ABSTRACT

Introduction: the article deals with the theme of Finland in the lyrics of Vadim Gardner, a representative of the Finnish branch of Russian emigration of the first wave. His poetic identity stems from the synthesis of symbolism and acmeism, which gives his lyrics at the same time features of religiosity and culture. The Finnish theme, which has become one of Gardner's main themes, is revealed by him in an emigrant context, in comparison with the left homeland, as a result of which the latter acquires distinct nostalgic features. A special combination of conflicting traditions in Gardner's lyrics gives reason to speak of a new quality of his acmeistic poetics in the era following acmeism.

Objective: to analyze postacmeistic poetics in the lyrics of Vadim Gardner in the aspect of Finnish theme.

Research materials: three collections of poetry with dominating Finnish theme.

Results and novelty of the research: Gardner's lyrics demonstrate a synthesis of the symbolist and acmeistic traditions, and in this symbiosis the leading position is occupied by the acmeistic vision of reality. An in-depth analysis of the Gardner's poems allowed us to conclude that, being in acmeistical acceptance of the world in its entirety and complexity, the poet does not refuse the possibility of its spiritual cognition. From our point of view, this is the specificity of the existence of acmeism in the «non-acmeistic era». The scientific novelty of the research is to examine the poetry of V. Gardner from a postacmeistic position, which has not yet been the subject of scientific research. For the first time we reveal the peculiarities of the poetics of the author in connection with the continuation of the acmeist traditions in emigration, in conditions of separation from the native cultural soil, on the material of the Finnish theme.

In the image of Finland as a special geographical space, we noted the ekphrasis nature of images, emphasized visuality in the perception of pictures of surrounding reality. The very image of the state evolves with the poet, marking a complex attitude towards it during the period of forced residence on the foreign land.

Key words: V. Gardner, Finnish branch of the Russian emigration of the first wave, postacmeistic poetics, image of Finland.

For citation: Khadynskaya A. A. Finland in the image of Vadim Gardner: postacmeistic perspective // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (2): 340–348.

Введение

Авторы исследований по финской эмиграции в основном уделяют внимание жизни русских беженцев в Финляндии, интерес привлекает, главным образом, мемуарная литература, редко художественная проза или драма [10; 14; 24; 25; 26; 27; 28] и значительно реже поэзия [15].

Немногочисленные публикации стихов В. Гарднера на родине находятся, в основном, в составе антологий [2; 11; 13]; в 90-е XX века годы вышло два сборника его стихотворений [3; 4]. Исследований, посвящённых творчеству поэта, также очень немного, среди них отметим работы Т. Пахмусс [12], М. Кучинской [7; 8], А. И. Чагина [21]; интересна книга-биография Л. Яковлевой, не являющаяся литературоведческим исследованием, но содержащая важные мемуарные сведения, почерпнутые автором у вдовы поэта М. Гарднер, с которой она была лично знакома [22].

Главной чертой гарднеровской поэтики стало соединение символистских и акмеистических исканий. На это указывает М. Кучинская: «Его поэзии было суждено, подобно зеркалу, отразить в себе черты капризной эпохи: священнодействие символизма и культ акмеизма <...> Его стихи – уникальный в своём роде компромисс символистской поэтики со школой акмеизма, <...> это единение земли и неба, человеческого и божественного, малого и Великого в простых лирических и риторически напыщенных строфах» [7, 661]. С ней солидарна Е. Г. Сойни: «В первых двух сборниках заметны уроки символистов с их любовью к античности, интересом к мистическому, запредельному идеалу. Но передано и многоцветие

земного, реального мира, виден подлинный, а не вымышленный свет солнца, чувствуется «кровь красная ликующих южан» [14, 227]. Это же свойство отмечают у Гарднера Д. Магомедова [9, 3], а также П. Х. Тороп, именующий эту особенность поэта «трудно воспринимаемой»; но что «на самом деле оказывается дополнительностью, сложным единством (символизма-акмеизма)»; черты акмеизма, «легко узнаваемые у поэта», соединяет «особая, скорее символистическая вера в грядущий синтез и аскетическое служением грядущему идеалу», «его культ одновременно религиозен и культурологичен» [17, 91].

На наш взгляд, кроме отмеченной констатации синтеза символизма и акмеизма в поэтике В. Гарднера, необходимо выявить это взаимодействие в самой художественной ткани, рассмотреть поэтическую технику, позволившую «примирить» враждующие течения и явить миру самобытную поэзию. На наш взгляд, наиболее репрезентативным материалом для этого будут тексты, посвящённые Финляндии, так как финская тема, несомненно, стала главной в творчестве поэта.

Материалы и методы

Материалом послужили три поэтических сборника В. Гарднера, при этом внимание было сосредоточено на стихотворениях, содержащих тематику Финляндии.

В своей статье мы опирались на рассмотрение акмеизма и символизма с позиции системно-типологического подхода, то есть как на общность художественных принципов для ряда авторов, в числе которых рассматривается и В. Гарднер. Кроме того, мы использовали методологию

структурно-семиотической школы (Ю. М. Лотман, В. Топоров и др.), рассматривавших время и пространство как фундаментальные категории моделирования мира автором, а также опыт «семантической поэтики» (Ю. И. Левин, Д. М. Сегал, Р. Д. Тименчик, Т. В. Цивьян и др.), включающий лирику поэта в традицию и, одновременно, в поле «семантических сцеплений» с мировой литературой.

Результаты

Биография Вадима Даниловича Гарднера (1880–1956) являет собой пример судьбы эмигранта первой волны, навсегда покинувшего родину в тяжелые революционные годы. Ранний период его творчества отмечен символистской ориентацией: круг петербургских символистов с его оккультизмом и религиозно-философскими учениями, несомненно, повлиял на его первые поэтические опыты [«Стихотворения» (СПб, 1908) и «От жизни к Жизни» (СПб, 1912)]. В освоении мировой литературы Гарднер шёл путём «старших» символистов, ориентируясь на А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и французских символистов; его первый сборник во многом явился личным откликом на их поэзию, тогда как второй более тяготел к эстетике «младших». Вяч. Иванов, властитель «младосимволистских умов», благоволил поэту, приглашал его в свою знаменитую «Башню». Гарднер именовал Иванова «теургом», а себя «капитаном сердца» [1]. По свидетельству М. Кучинской, отношения «мастера» и «подмастерья» были специфическими: с одной стороны, Гарднер почитал Иванова как мэтра, с другой – совершенно беззастенчиво подвергал критике его творчество, несмотря на то, что Вяч. Иванов лично просматривал корректуру его второго сборника и даже планировал написать к нему предисловие, чего, впрочем, не случилось [7, 658–659].

В стихотворении «Поэтам» (1913) Гарднер со свойственной ему эмоциональностью перечисляет всех своих наставников, это «цветы поэзии»: «дурманный мак Бодлэра», «цвет лилий снеговой» Э. По, «подсолнечник... Уайльда золотой», «брюсовские камелии», бальмонтские «бромелии»; список завершается «теургом» Вяч. Ивановым, льющим «мёд поэзии» [3, 64].

Но очень скоро Гарднер вошёл в круг акмеистов: в 1913 году его приняли в «Цех поэтов», Н. Гумилёв написал рецензию на его второй сборник [5]. В одном из писем к А. Ахматовой 1917 г. он характеризовал его как русофила, который «презирает Лондон и всё английское – этакий Верлен» [6, 24].

На фоне акмеистов Гарднер отличается самобытностью, его поэтический язык тяготеет к риторическому пафосу, насыщен восклицаниями и избытком громкими пророчествами; за такую излишнюю патетику критики и читатели часто осуждали поэта. Т. Пахмусс считает приподнятый риторический тон ранней лирики Гарднера вполне соответствующим содержанию его стихов: «Весь его поэтический мир вибрирует яркими красками, звуками и благоуханиями» [12, 15]. Это было открытием для себя бытия во всей его полноте и сложности, в «макро-» и «микроформах», в ощущении себя как части Вселенной, в осознании присутствия Бога во всём земном и человеческом.

Синтез акмеистического и символистского мировосприятия органичен для Гарднера и указывает на общую типологическую черту поэтических миров авторов русского зарубежья, и, в частности, финских, о чём мы уже писали в своих работах [18; 19; 20]. У Гарднера символизм и акмеизм не противостоят, как это было в реальности, а демонстрируют своё внутреннее родство, «примиряются» в едином культурном пространстве. Подобная рефлексия характерна для постакмеистической поэтики, в которой доминирует диалогическое начало, свойственное акмеизму, и в его силовое поле оказывается «втянут» символизм с его Божественной идеей и Логосом. При этом суть давнего спора оказывается нивелированной, так как на первый план выходит общая идея, которая когда-то породила и символизм, и акмеизм – Божественная природа творчества и земная природа художника, в своём творческом акте совершающая прорыв к небесному. Для Гарднера вопрос противостояния течений снят изначально, тютчевская формула «всё во мне и я во всём» получила у него буквальное выражение в ткани стиха, стала стержнем его поэтического мировоззрения. Этим Т. Пахмусс объясняет повышенную эмоциональность его лирики: «Единение человеческого и божественного в поэзии Вадима Гарднера, *unio mystica*, изображается в значении умственного и эмоционального переживания земного "я" как части божественного мироздания» [12, 10].

Поэт считает возможности Слова безграничными, для него это чудо, то есть проявление Божественного: «Слово – цвет, Слово – дух, Слово – звук», «Наречён Им и Бог – Человек», «К Слово словом уснувших зови! // Ты же, Слово, учи нас любви!» [3, 79]. Слово, по Гарднеру, есть энергия Божественной энергии и акта художника, обладающая невероятной силой воздействия и

созидания, что переключается с многочисленными размышлениями как символистов (З. Гиппиус «Слово?») так и акмеистов (Н. Гумилев «Слово»). По словам Т. Пахмусс, «философские идеи и размышления над вечными проблемами художественного восприятия мира и изображения его в искусстве составляют центр его метафизической поэзии» [12, 8]. Авторская поэтика, апеллирующая к земному-зримому, что было так важно для поэтов акмеистической направленности, особенно видна во втором сборнике Гарднера, «От жизни к Жизни».

После эмиграции многое в жизни и поэзии Гарднера поменялось. Его практически не печатали, например, в одной из крупных антологий эмигрантской поэзии «Якорь» помещено всего одно стихотворение [23]. В его единственном сборнике, вышедшем за границей («Под далёкими звёздами» (Париж, 1929)) тональность лирики изменилась с «мажорной» на «минорную», и причиной послужило переосмысление отношения к двум родным для него странам, когда-то бывшим в составе одной империи. Если во втором сборнике Финляндия, с детства знакомая поэту, представлена как земля дивной первозданной природы, на которой он спасается от ужаса советской власти, то в третьем «эмигрантском» сборнике он осознал всю трагедию отрыва от родной земли и ощутил холодность и неприветливость Финляндии, превратившейся из второй матери в «мачеху». По словам Е. Г. Сойни, у него «образ Финляндии эволюционирует от образа родной земли к образу чужой “белозвёздной вселенной” с “чуждыми душами”, а родиной становится уже недостижимая Россия» [16, 223].

На формирование Гарднера как лирика повлияла так называемая «петербургская поэтика», одной из главных черт которой является экфрастичность поэтических изображений, ориентация на их восприятие читателем, что исходит из интереса к земному бытию человека в его неразрывной связи с небесным. При этом Божественная природа Слова не подвергается сомнению – именно она даёт возможность поэту-теургу создавать свои воображаемые картины. Гарднер в полной мере усваивает этот акмеистический «урок», делясь с читателем пейзажами Финляндии, сначала с радостью, а потом и с тоской.

В «Финском сонете» (сб. «Стихотворения») описан типичный финский прибрежный пейзаж, динамику которому задают «шум прохладного прибора», «ветра дикий вой», бьющие о берег волны. Экспрессия движения подчёркнута глаголами «несутся», «бежит», «бьёт». Далее фокус

перемещается на берег, где всё тоже наполнено движением и звуком: «песок зыбливый», «грома треск», «блеск молнии торопливый», «поток дождя», «качка лайб» (финская лодка), «корни ольх, поднятые водою», и сам прибор назван «живительным». Финляндия названа «страной родной», милой сердцу героя даже в непогоду [3, 25]. Живописный образ страны поддерживается в стихотворении «Облака синечёрного тона...», с картиной бурного северного моря, когда небосклон обретает метафорический цвет «свинца гробового»; морское судно названо «снежнорунным пловцом» (авторский неологизм), а пенный след за кормой – «легкокрылой стаей», «белыми бабочками зим», летящими в «блёстках солнца», сам залив «седой» от «спесивых кудрей» гневливых буйных волн [3, 26]. Романтический пейзаж бушующего моря контрастирует с картиной тихой лунной ночи в стихотворении «Золото томное, золото лунное...». В нём золото луны сопряжено с серебром месяца (одно и то же светило словно «играет красками»): «месяц серебряный / Мир облакающий мглой голубой» [3, 27]. Окказионализм «снежнорунный» имеет культурную отсылку и к архетипическому «золотому руну» (цвет активно повторяется в тексте), и к скандинавским рунам («снежные»). Эпитеты подобной конструкции мы находим в стихотворении «Лунная газзла». Они, наряду с другими, составляют сложный комплекс ощущений лирического героя, который он стремится передать читателю, чтобы тот мог почувствовать Финляндию, «подключая» все свои «анализаторы»; на это активно «работают» рифма и аллитерация с ассонансом (курсив и выделения в тексте наши – А.Х.):

Горят на водах блёстки *лунные*.
Кочуют тучки *шелкорунные*;
Плывёт *луна* в *червоном* золоте.
Глядятся в воды звезды *юные*.
Журчат и плещут, в свете месяца,
Ручьи, ключи *золотолунные*... [3, 78]

Финляндия, несмотря на завораживающую «бальмонтговскую» звукопись (отсылка к «Золоту в лазури»), предстаёт у поэта не в виде символистской «отражённой картины», а вполне реальной древней землёй. Акцентированность на визуальном-чувственном восприятии свидетельствует об овладении поэтом акмеистическими приёмами поэтики. «Суоми каменная, руническая» ассоциативно отсылает к знаменитому мандельштамовскому «камню» как материалу поэзии, руны актуализируют историко-культурный подтекст, столь важный для акмеистов.

Лунный пейзаж, традиционный для романтизма, выдаёт в Гарднере активного приверженца этого литературного направления, что уже отмечалось исследователями [8, 266; 12, 8]; Лермонтов был одним из его кумиров («Оба мы менестрели в Руси снеговой / Из Британии родом с тобой...» [3, 80]). Романтическая версия любви в этом стихотворении коррелирует с общим противопоставлением «север-юг». Лирический герой размышляет о своём «южном происхождении» (жанр «газеты» здесь намёк не столько на Восток, сколько на «не-север»). Север ассоциируется у него с нордическим (каменным) спокойствием, тишиной и тайной (одна из версий происхождения слова «руны» от древнегерманского run – «тайна»), а юг со страстью. В стихотворении «Октавы» поэт декларирует такую антиномию как выгодную для него, ибо это рождает в нём «бурю и огонь фантазии»:

Живу на севере я с южною душою,
Безумно-страстною и солнцами залитой;
А дни свои влачу, полярной пеленою
Снегов и вечных льдов бесстрастия покрытый.
[3, 36]

Это же противопоставление романтического толка становится смысловой доминантой стихотворения «Моим ли ярким снам пророчески не сбыться?..», когда лирический герой стремится на юг («Ужель не видеть мне Италии лазурной? / Под небом Анжело мечтой не позабыться...»), но осознаёт свою привязанность к северной земле:

Мне ль в снеговой юрте, в меху, в дыму уютиться
В мороза скрыл и хруст, или мятежно бурной, –
Мне с кровью красною ликующих южан,
По ярости судьбы – сыну студёных стран.
[3, 36]

В ранних стихах присутствует романтическое клише, некая общая установка юного поэта, когда мечта и реальность ещё не разделены в собственном творческом воображении. Но уже в сборнике «Под далёкими звёздами» за пространственными маркерами скрывается совершенно иное содержание: «здесь» – Финляндия, «там» – Россия. Суровая, но близкая сердцу лирического героя северная страна обретает черты чуждого пространства: меняется эмоциональный фон, «угол зрения», ибо теперь Россия, став недоступной, столь же кратко умножила свою привлекательность, сколь её утратила немилая «мачеха» Финляндия. В стихотворении с концептуальным названием «Здесь и там» из упомянутого сборника в первой же строфе задаётся «параметр сравнения», ценностно значимый для поэта (выделение в тексте наше – А. Х.):

Там на зиму край наш родимый
Накинул пушистый убор.
А здесь, у гранитов прибрежных,
Где ветер ревёт и гудит,
Свисает бахромчатый, острый
С холмов ледяных сталактит. [3, 92]

Далее следует описание замёрзших ручьев и оврагов, подо льдом которых «змеятся и булькают воды»; дети катаются на застывшем болоте и играют в снегу («друг другу снежки / Влепят, воюя; проказят...»), «Вот девочка навзничь упала / Ударясь спиной о ледок»), но эти картины не радуют героя, всё теперь помечено для него печатью «неродного»: «Но все эти шалости, игры – / Забавы не русских детей», «Не наши здесь деды-морозы», «Не наша здесь вьётся позёмка, / Не наша вьюга в декабре...» [3, 93]. Ностальгические воспоминания уносят героя в морозный Петроград («И образы прежней России / Рисуются снова в мечтах...»), он вспоминает каток в «Прудках», где играет оркестр, кружат гимназисты и влюблённые пары. Эта городская зима, украшенная светом электрических огней на высоких зданиях, составляет резкий контраст с деревенскими грубоватыми забавами на финском берегу, который топорщится вздыбившимися льдинами. Вывод героя в конце звучит прямолинейно и несколько наивно, но в нём сквозит боль эмигранта, отринутого родиной, и неприязнь к Финляндии:

И сказочней как-то в России,
.....
Чем здесь, в молчаливой Суоми,
В болотной Карельской глуши. [3, 93]

Северный пейзаж выдаёт в Гарднере художника с острым взором и демонстрирует его экфрастическую поэтическую технику: зимняя картина словно составлена из отдельных «кадров», автор постоянно меняет «фокус», чередуя «макро» и «микросъемку», насыщает всё цветом и движением.

Тот же приём «здесь и там» находим в стихотворении «Наводнение 1924 года», посвящённое И. Е. Репину. Стихийное бедствие описывается в красках и подробностях: «баню закружило, и ветра / По волнам её швыряют в море», «хижину со старым рыболовом / И с его старушкою несёт» – «гробом домик стал им», по волнам летят «яхты, шхуны, бревна, будки, пропсы», «ольхи, ели, сосны, можжевельник / Заливает бешеный потоп». Поэт вспоминает петербургский потоп 1824 года, самый разрушительный за всю историю города («Как сто лет назад при Александре»). Глагол «воображаю» служит «переключением кадра»

с Финляндии на Россию, и описанные далее картины полны таких же визуальных подробностей, как и финские:

Барки, пристани к стенам дворцов
Прибывает и, размыты зыбью,
Всплыли шестигранники торцов...
Вихрь срывает крыши и корчует
Клёны, липы и дубы в садах;
Стон, проклятья, ужас несказанный
Тонуших в подвалах, на дворах... [3, 99]

Очевидная отсылка к «Медному всаднику»

А. С. Пушкина сопрягается у поэта с антисоветской тематикой: его «бронзовый седок на скакуне», в лучших одических традициях, держит пафосную гневную речь, обвиняя новую власть в разрушении вековых имперских традиций:

Осквернили детище Петрово.
Чудный город, плод мечты высокой;
Переименован в Ленинград,

.....

Парадиз мой обратили в ад.
Обесчестили мою Россию. [3, 99]

Финский катаклизм выступает поводом для размышлений о судьбе отечества. Буйство природной стихии сто лет назад, по мнению поэта, удалось усмирить именно «венценосному плотнику», узревшему в случившемся «Божий гнев», а сейчас это сделать некому, Бог оставил Россию, и уже «Г.П.У. справляет шабаш свой».

Образ Финляндии у Гарднера складывается не только из социальных и философских размышлений, но и из обычных картин природы – ими наполнен последний сборник поэта. Финские пейзажи у Гарднера часто напоминают полотна импрессионистов: его изображения полны динамики, они словно дрожат и колеблются под северным ветерком. В стихотворении «Картина у Финского залива» мельчайшие детали внешнего мира составляют радостный земной мир, всё вокруг становится предметом поэтического интереса («Все, поэт, прославь!»): «белые облачка», «цветы», «полосы, листья», «перья пальм», «кисти и гроздь», переливается «радужной слюдой» прибрежный песок, «по тропам спешат» неутомимые муравьи, «челн плывёт, качаясь», вдалеке тает «пароходов дым» [3, 150]. В экфрастическом пейзаже в стихотворении «Облака» героя притягивает «облаков плывущих / Окраска, очертания...», он видит в них то «диких зебр», то «вату», то «простоквашу», то «осетров» со «стерлядьми» – ряд причудливых ассоциаций обусловлен игрой его воображения и особым мировосприятием художника:

Да, таковы причуды
Небесной живописи. Проза жизни,
Её поэзия, – всё вычерчено тут. [3, 144]

Гарднер показывает весь природный цикл Финляндии, страна у него живописна и естественна, но всё чаще окрашивается в печальные тона, отвечая острой ностальгии поэта. В «Октавах» лирический герой признается в любви этому неласковому северному краю – «миру таинственных сказаний», где живут «русалки севера», где «в иглистой дебри много обаяний»; ему «близок торф морошковых болот / И самый воздух северных широт». Но он сам же и признаётся: «Мне север люб. Мила его природа, / Но чужды часто души северян» [3, 158]. В круг художественной рефлексии попадает и личное переживание эмиграции, тоска по родной культурной почве, по близкому поэтическому кругу.

Финская тема раскрывается у поэта в естественной связи с историей и культурой «страны Суоми», что стало общим подтекстом всей его лирики. С момента эмиграции обострилось его патриотическое чувство, и Финляндия стала его вечным оппонентом в умозрительных разговорах с родиной. Северные картины природы у Гарднера наполнены образами скандинавской мифологии и, в то же время, очень реалистичны и точны в природных деталях. Они очень напоминают ему родные места, тем более что те находятся совсем рядом, на том же побережье Финского залива. В третьем сборнике это настойчивое сравнение становится организующей его смысловой доминантой. Ярким образом такого синтеза может служить, например, Ильмаринен-кузнец, скандинавский культурный герой из «Калевалы», который оказывается органично вписанным в пейзаж с православным храмом, блистающим «бледным золотом» над «туманным финским лесом» («Купол церкви православной...») [3, 130]. Но со временем ностальгия меняет отношение поэта к стране, особенно после переезда его в столицу. Деревенская Финляндия была понятна и привычна для него, а большой город обострил чувство «чужака». В «Нюландском сонете» он с горечью сознаёт, что суровый город холоден к нему, да и он не питает к нему тёплых чувств. «Гельсингфорс, излюбленный ветрами» ему «мало знаком», «не близок» «двумя своими языками», а себя поэт называет «незванным и ненужным чудаком» с «чужими» городу мыслями [3, 111].

Обсуждение и заключение

Финский контекст в лирике Вадима Гарднера демонстрирует усвоенную им постакмеистическую поэтику как художественную рефлексию опыта символизма и акмеизма. Это «балансирование» между двух течений было органичным для поэта и не ставило его в ситуацию выбора. Для него была очевидной общность их исходной установки: осознание поэзии как Божественного дара, понимание собственного творчества как особого Слова миру и Слова о мире. В своей ориентации на акмеизм Гарднер шёл вслед за лич-

ным ощущением глубокой причастности к земной жизни, органической связи с ней, но великая Идея его не покинула, стремление к Небесному через самопознание стало частью его поэтической природы. Несмотря на изменившееся отношение к Финляндии из-за эмиграции, в своих стихах он показал, как глубоко вошёл в его поэтику скандинавский культурный код.

С нашей точки зрения, лирика Вадима Гарднера может быть исследована на предмет сопряжения в ней традиций символизма и акмеизма как общей тенденции в лирике представителей эмиграции первой волны, в том числе и финской её ветви.

Список источников и литературы

1. Богомолов Н. Addenda: [О Вяч. Иванове] // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 191–194.
2. Вернуться в Россию – стихами: 200 поэтов эмиграции: Антология. М.: Республика, 1995. 687 с.
3. Гарднер В. У Финского залива: Избранная лирика / Сост. Темира Пахмусс, Бен Хеллман. Хельсинки: Гранит, 1990. 179 с.
4. Гарднер В. Избранные стихотворения / Сост. О. Б. Кушлина, П. Х. Тороп. СПб.: Акрополь, 1995. 96 с.
5. Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. № 3. С. 75–76.
6. Гумилев Н. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Terra, 1991. Т. 3. 335 с.
7. Кучинская М. Вадим Гарднер: Материалы к библиографии // Диаспора IV. Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaeum-Феникс, 2002. С. 657–670.
8. Кучинская М. «Здесь и там»: Екатерина и Вадим Гарднер // Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917–1939). Исследования и публикации: материалы международной научной конференции, посвящённой 70-летию присуждения И. А. Бунину Нобелевской премии. Орел: Вешние воды, 2003. С. 263–269.
9. Магомедова Д. Предисловие // Гарднер В. Избранные стихотворения / Сост. О. Б. Кушлина, П. Х. Тороп, СПб.: Акрополь, 1995. С. 3–4.
10. Маташина И. С. Восприятие творчества Ф. М. Достоевского в шведоязычной литературе Финляндии XX века // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере» (Петрозаводск, 1–2 октября 2015 года). Петрозаводск: [б.и.], 2016. С. 196–198. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/124973-6-materiali-nauchnoy-konferencii-bubrihovskie-chteniya-gumanitarnie-nauki-evropeyskom-severe-petrozavodsk-1-2-oktyabrya-201.php>. (дата обращения: 06.02.2019).
11. Мы жили тогда на планете другой ...: Антология поэзии русского зарубежья. 1920 – 1990: В 4 кн. / Сост. Е. В. Витковский. М.: Московский рабочий, 1995. Кн. 1. 494 с.
12. Пахмусс Т. О поэзии Вадима Гарднера // У Финского залива: Избранная лирика. Хельсинки: Гранит, 1990. С. 5–21.
13. Петербург в поэзии русской эмиграции: (первая и вторая волна) / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Р. Тименчика и В. Хазана. СПб.: Акад. Проект: ДНК, 2006. 847 с.
14. Сойни Е. Г. Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. М.: ЯСК, 2017. 464 с.
15. Сойни Е. Г. Взгляд на Россию в поэзии Финляндии XX века // «Своё» и «чужое» в культуре. Материалы XI Международной научной конференции Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 150–152.
16. Сойни Е. Г. Образ Финляндии и проблема самоидентификации в поэзии Вадима Гарднера // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2005. С. 217–224.
17. Тороп П. Х. О поэзии Вадима Гарднера // Гарднер В. Избранные стихотворения. Сост. О. Б. Кушлина, П. Х. Тороп. СПб.: Акрополь, 1995. С. 89–93.
18. Хадынская А. А. Образы России и Финляндии в сборнике Веры Булич «Бурелом» // Вестник угроведения. 2016. Т. 6. № 2. С. 76–83.
19. Хадынская А. А. Финская тема в лирике Ивана Савина в контексте акмеистической поэтики // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 318–327.
20. Хадынская А. А. Финская тема в мемуарной и художественной прозе Ивана Савина // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 93–101.

21. Чагин А. И. Финская тропа в русском рассеянии // Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 332–340.
22. Яковлева Л. Человек, утративший надежду. Биография поэта Вадима Гарднера, рассказанная им самим. СПб.: Алетейя, 2008. 196 с.
23. Якорь: антология русской зарубежной поэзии / сост.: Г. В. Адамович, М. Л. Кантор. СПб.: Алетейя, 2005. 413 с.
24. V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы / Отв. ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен. Петрозаводск: [б.и.], 2014. 655 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pjtajata/text.pdf>. (дата обращения: 06.02.2019).
25. Baschmakoff N., Leinonen M. Russian life in Finland 1917–1939. A local and oral history. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2001. Vol. 8. 485 p.
26. Boele O. North in Russian romantic literature. Amsterdam; Atlanta: Rodopi Bv Editions, 1996. 303 p. (Series: Studies in Slavic literature and poetics, vol. XXVI).
27. Ekonen K., Hellman B. Aleksandr Kuprin and Finland // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1991. Vol. IV. Pp. 27–97.
28. Pachmus T. Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland. New York: Peterland Publishing, 1992. 300 p.

References

1. Bogomolov N. *Addenda: O Vjach. Ivanove* [Addenda: About V. Ivanov]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 1996, no. 19, pp. 191–194. (In Russian)
2. *Vernut'sja v Rossiju – stihami: 200 pojetov jemigracii: Antologija* [Return to Russia – by verses: 200 poets of emigration: Anthology]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 687 p. (In Russian)
3. Gardner V. *U Finskogo zaliva: Izbrannaja lirika* [At the Gulf of Finland: Selected lyrics]. Comp. by Temira Pahmuss, Ben Hellman. Helsinki: Granit Publ., 1990. 179 p. (In Russian)
4. Gardner V. *Izbrannye stihotvorenija* [Selected poems]. Saint-Petersburg: Akropol' Publ., 1995. 96 p. (In Russian)
5. Gumilev N. *Pis'ma o russkoj poezii* [Letters about Russian poetry]. *Apollon* [Apollo]. Saint-Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1913. Vol. 3. pp. 75–76. (In Russian)
6. Gumilev N. *Sobranie sochinenij: v 4 tomah* [Collected works: in 4 volumes]. Moscow: Terra Publ., 1991. vol. 3. 335 p. (In Russian)
7. Kuchinskaya M. *Vadim Gardner: Materialy k bibliografii* [Vadim Gardner: Materials to bibliography]. *Diaspora IV. Novye materialy* [Diaspora IV. New materials]. Paris; Saint-Petersburg: Athenaeum-Phoenix Publ., 2002. pp. 657–670. (In Russian)
8. Kuchinskaya M. «Zdes' i tam»: *Ekaterina i Vadim Gardner* [«Here and there»: Ekaterina and Vadim Gardner]. *Central'naja Rossija i literatura russkogo zarubezh'ja (1917–1939). Issledovanija i publikacii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 70-letiju prisuzhdenija I. A. Buninu Nobelevskoj premii* [Central Russia and literature of the Russian foreign countries (1917–1939). Research and publications: materials of the international scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the award of I. A. Bunin's Nobel Prize]. Orel: Veshnie vody Publ., 2003. pp. 263–269. (In Russian)
9. Magomedova D. *Predislovie* [Foreword]. *Gardner V. Izbrannye stihotvorenija* [Gardner V. Selected poems]. Comp. by O. B. Kushlina, P. Kh. Torop. Saint-Petersburg: Akropol' Publ., 1995. pp. 3–4. (In Russian)
10. Matashina I. S. *Vospriyatie tvorchestva F. M. Dostoevskogo v shvedoyazychnoy literature Finlyandii XX veka* [Perception of the creativity of F. M. Dostoevsky in Swedish literature of Finland of the XX century]. *Materialy nauchnoj konferencii «Bubrikhovskie chteniya: gumanitarnye nauki na Evropeyskom Severe» (Petrozavodsk, 1–2 oktyabrya 2015 goda)* [Proceedings of the scientific conference «The Bubrikhov's Readings: Humanities in the European North» (Petrozavodsk, October 1–2, 2015)]. Petrozavodsk: [w/p], 2016. pp. 194–196. Available at: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/124973-6-materiali-nauchnoj-konferencii-ubrikhovskie-chteniya-gumanitarnie-nauki-evropeyskom-severe-petrozavodsk-1-2-oktyabrya-201.php> (accessed February 06, 2019). (In Russian)
11. *My zhili togda na planete drugoj...: Antologija poezii russkogo zarubezh'ja. 1920–1990: v 4 kn.* [We lived on a different planet then...: Anthology of poetry of the Russian diaspora. 1920–1990: in 4 book]. Comp. by E. V. Vitkovskiy. Moscow: Moskovskij rabochij Publ., 1995. Book 1. 494 p. (In Russian)
12. Pakhmuss T. *O poezii Vadima Gardnera* [About the poetry of Vadim Gardner]. *U Finskogo zaliva: Izbrannaja lirika* [At the Gulf of Finland: Selected lyrics]. Helsinki: Granit Publ., 1990. pp. 5–21. (In Russian)
13. *Peterburg v poezii russkoj jemigracii: (pervaja i vtoraja volna)* [Petersburg in the poetry of Russian emigration: (the first and second waves)]. Saint-Petersburg: Acad. Project: DNK Publ., 2006. 847 p. (In Russian)
14. Soynt E. G. *Vzaimoproniknovenie russkoj i finskoj literatury v pervoy polovine XX veka* [Interpenetration of Russian and Finnish literatures in the first half of the XX century]. Moscow: Izd. Dom YaSK Publ., 2017. 464 p. (In Russian)

15. Soyni E. G. *Vzglyad na Rossiju v poezii Finlyandii XX veka* [Look at Russia in the poetry of Finland in the XX century]. «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture. *Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii Instituta yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [«Us» and «them» in culture. Materials of the XI International scientific conference of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2017. pp. 150–152. (In Russian)
16. Soyni E. G. *Obraz Finlyandii i problema samoidentifikacii v poezii Vadima Gardnera* [Image of Finland and the problem of self-identification in the poetry of Vadim Gardner]. *Mezhkul'turnye vzaimodejstviya v polijetnichnom prostranstve pograničnogo regiona: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Intercultural interactions in the multi-ethnic space of the border region: Collection of materials of the international scientific conference]. Petrozavodsk: In-t jaz., lit. i istorii KarNC RAN Publ., 2005. pp. 217–224. (In Russian)
17. Torop P. Kh. *O poezii Vadima Gardnera* [About the poetry of Vadim Gardner]. *Gardner V. Izbrannye stihotvoreniya* [Gardner V. Selected poems]. Comp. by O. B. Kushlina, P. Kh. Torop. Saint-Petersburg: Akropol' Publ., 1995. pp. 89–93. (In Russian)
18. Khadynskaya A. A. *Obrazy Rossii i Finlyandii v sbornike Very Bulich «Burelom»* [Images of Russia and Finland in the collection of Vera Bulich «The Windbreak»]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 2, pp. 76–83. (In Russian)
19. Khadynskaya A. A. *Finskaja tema v lirike Ivana Savina v kontekste akmeisticheskoj poetiki* [Finnish theme in the lyrics of Ivan Savin in the context of acmeistic poetics]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 318–327. (In Russian)
20. Khadynskaya A. A. *Finskaja tema v memuarnoj i hudozhestvennoj proze Ivana Savina* [Finnish theme in the memoirs and fiction of Ivan Savin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 93–101. (In Russian)
21. Chagin A. I. *Finskaja tropa v russkom rassejanii* [Finnish trail in Russia]. *Puti i lica. O russkoj literature XX veka* [Ways and persons. About Russian literature of the XX century]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2008. pp. 332–340. (In Russian)
22. Yakovleva L. *Chelovek, utrativshij nadezhdu. Biografija pojeta Vadima Gardnera, rasskazannaja im samim* [A man who has lost hope. Biography of the poet Vadim Gardner, told by himself]. Saint-Petersburg: Aletheia Publ., 2008. 196 p. (In Russian)
23. *Jakor': antologija russkoj zarubezhnoj poezii* [The Anchor: anthology of Russian foreign poetry]. Comp. by G. V. Adamovich, M. L. Kantor. Saint-Petersburg: Aletheia Publ., 2005. 413 p. (In Russian)
24. *V Vserossijskaja konferencija finno-ugrovedov «Finno-ugorskie jazyki i kul'tury v sociokul'turnom landshafte Rossii»: materialy* [The V All-Russian conference of Finno-Ugric scholars «The Finno-Ugric languages and cultures in the socio-cultural landscape of Russia»: materials]. Ed. by N. G. Zaytseva, I. I. Mullonen. Petrozavodsk: [w/p], 2014. 655 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/pjataja/text.pdf>. (accessed February 06, 2019). (In Russian)
25. Baschmakoff N., Leinonen M. *Russian life in Finland 1917–1939. A local and oral history*. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2001. vol. VIII. 485 p. (In English)
26. Voele O. *North in Russian romantic literature*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi Bv Editions, 1996. 303 p. (Series: Studies in Slavic literature and poetics, vol. XXVI). (In English)
27. Ekonen K., Hellman B. Aleksandr Kuprin and Finland. *Studia Slavica Finlandensia*, 1991, no. IV, pp. 27–97. (In English)
28. Pachmus T. *Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland*. New York: Peterland Publishing, 1992. 300 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хадынская Александра Анатольевна, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета (628412, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, проспект Ленина, д. 1), кандидат филологических наук.

opus2000@mail.ru

ORCID.ORG: 0000-0001-9642-1798

ABOUT THE AUTHOR

Khadynskaya Alexandra Anatolyevna, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University (6284121, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, Lenina st., 1), Candidate of Philological Sciences.

opus2000@mail.ru

ORCID.ORG: 0000-0001-9642-1798